

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

жена гостянно находилась въ опасности сдѣлаться жалкою и беззащитною жертвою жестокости и своеправія мужа. Послѣдній, предаваясь постыднымъ страстямъ, могъ брать и стускать жену, не думая о собственныхъ обязанностяхъ, и жена, естественно, была въ рукахъ мужа игрушкою, лишленно права подачи голоса противъ всякаго рода несправедливостей, взводимыхъ на нее мужемъ. Причиною столь ужасныхъ безпорядковъ, положившихъ темное пятно на семейную жизнь древнихъ евреевъ, была так. обр. неопредѣленность супружескихъ отношеній, представлявшая естественное слѣдствіе извращенія понятія о разводной и грозившая въ будущемъ зломъ гораздо большихъ размѣровъ. Потому необходимо было положить конецъ страшному хаосу и нескончаемой безурядицѣ въ сферѣ супружества. Великое дѣло возстановленія правъ женщины и истинныхъ отношеній между супругами совершаетъ Господь нашъ І. Христосъ установленіемъ истиннаго взгляда на совершенно испорченное законодательство Моисея о разводной, поставивъ супружество на пьедесталъ идеала, основаніе которому положилъ Моисей.

Идею нерасторжимости брака Господь развиваетъ еще у Мат. 19, 3—9., Мар. 10, 2—12³³⁶), и Лук. 16, 18. по поволу предложеннаго Ему фарисеями вопроса о томъ, по всякой ли причинѣ можно человѣку разводиться съ женою своею³³⁷?

Вызванный этимъ вопросомъ фарисеевъ, Господь выясняетъ первоначальный взглядъ на супружество, основанный на идеальномъ отношеніи половъ, доказывая нерасторжимость брачнаго союза тѣмъ, что бракъ, въ его истинномъ пониманіи, есть духовно-плотское соединеніе мужа и жены, какъ двухъ противоположныхъ полюсовъ, въ одно нераздѣльное единство. «Отношеніе половъ

336) Развивая новоз. идею брака, евангелистъ Матей указываетъ на отишеніе ея къ вѣстивангелія, чего недостаетъ въ разказѣ Марка, который передаетъ голый фактъ, представляя разговоръ Господа съ фарисеями въ впомъ видѣ, что указываетъ на первоначальность формы его именно въ евангелии Матея, а не Марка. По Марку, Господь указываетъ фарисеямъ на Моисея, который позволилъ разводъ. Основаніе этого позволенія Онъ видитъ въ грѣхѣ человѣка, потому что по самой идеѣ брака разводъ невозможенъ. Поэтому Маркъ представляетъ фактъ такъ, какъ бы фарисей спрашивалъ только о возможности или невозможности развода, тогда какъ Матей, по смыслу спрашивающихъ, предполагаетъ разводъ дозволеннымъ, и потому онъ обращаетъ вниманіе непосредственно на вопросъ фарисеевъ: по какой ли причинѣ можно человѣку разводиться съ женою своею.

337) Мат. 19, 3.

представляет намъ глубокую тайну жизни; безъ двойства нѣтъ жизненнаго единства; безъ противоположности о положительнаго и отрицательнаго нѣтъ рожденія. Законъ противоположенія господствуетъ во вселенной между солнцами и планетами, во всѣхъ силахъ, въ царствахъ земли. Въ царствѣ органической природы развитіе половъ, начинаясь самымъ слабымъ образомъ въ перелетающихся растеніяхъ, восходитъ до цвѣтка и пестика въ болѣе тонкихъ растеніяхъ; въ высшей степени оно достигаетъ въ царствѣ животныхъ; у человѣка является какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлесной жизни. Впрочемъ какъ вездѣ, такъ и здѣсь противоположность основывается на единствѣ, два противоположныхъ существа суть только двѣ половины, (страдательная и дѣятельная. Въ человѣческомъ родѣ жена не есть другой типъ человечества, но повтореніе одной и той же идеи, какую выражаетъ мужъ, только въ нѣжномъ страдательномъ видѣ. Къ этому ведетъ исторія Моисея, который говоритъ, что жена произошла отъ мужа. На томъ, что мужъ сотворенъ прежде жены, ап. Павелъ основываетъ заповѣдь о подчиненіи жены мужу. Онъ называетъ его образомъ и славою Бога, такъ какъ мужъ по силѣ духа и тѣла имѣетъ особенное участіе во владычествѣ Творца надъ тварію, между тѣмъ какъ жена есть только слава мужа³³⁸). Итакъ назначеніе этихъ двухъ половъ человеческого рода есть то, чтобы жена находилась въ зависимости отъ мужа, служила органомъ его и чтобы мужъ съ своей стороны любилъ жену, сохранялъ и оплодотворялъ ее³³⁹). Это назначеніе достигается посредствомъ брака; и какъ отношеніе супруговъ основывается на способностн къ управленію и оплодотворенію въ любви съ одной стороны, и на приемлемости съ другой; то идея брака выражается преимущественно въ дѣлѣ рожденія. Такимъ образомъ въ дѣлѣ рожденія бракъ достигаетъ своего дѣйствительнаго назначенія, какъ это выражено при сотвореніи человѣка³⁴⁰). Въ дѣлѣ рожденія, сказали мы, разумѣя подъ этимъ не одну минуту рожденія младенца, но всего воспитанія его, которое не что иное есть, какъ продолженіе первоначальнаго сообщенія жизни въ рожденіи. Сообщеніе тѣлесной жизни можетъ быть благодѣяніемъ только тогда, когда родители вливаютъ въ своихъ дѣтей духовную жизнь. Но если такъ должно быть понимаемо рожденіе: то повтому самому бракъ долженъ быть неразрывенъ; поелику только подъ этимъ условіемъ плотское рожденіе можетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, основаніемъ къ созданію

338) 1 Кор. 11, 7—9.

339) Тетр. 3, 7. Ев. 5, 28—29.

340) Быт. 1, 28.

духовнаго творенія въ человѣкѣ, рожденномъ хотя по образу нашему, но для того, чтобы онъ былъ образомъ Божиимъ»³⁴¹⁾.

Итакъ отличительный характеръ брака есть соединеніе двухъ въ плоть едину³⁴²⁾, или плотское соединеніе половъ, которое хотя есть низшая форма искренности, потому что аналогію его мы находимъ въ животномъ мірѣ, но—такъ какъ оно предполагаетъ единство духа и души—есть вѣнецъ всякаго единства и общенія и условіе развитія человѣческаго рода. Въ силу этой—то характерической особенности плотскаго соединенія половъ бракъ долженъ быть нерасторжимымъ союзомъ двухъ лицъ, нарушать который человѣкъ не имѣетъ права³⁴³⁾. Слѣд. бракъ въ его идеальномъ видѣ есть доизагробный (*) союзъ двухъ лицъ разнаго пола, основанный на безкорыстной любви и взаимномъ довѣрїи другъ къ другу. Любовь и довѣрїе есть основа брака; рожденіе дѣтей—цѣль его, слѣдствіе любви и довѣрїя, оно—конкретное выраженіе идеи брака вообще, любви и довѣрїя въ частности. Слѣд. бракъ не можетъ быть расторгаемъ даже при невозможности осуществить цѣль его по такимъ или инымъ причинамъ, зависящимъ отъ той или другой половины, потому что въ такомъ случаѣ ниспровергалась бы основа брака—соединеніе въ любви, довѣрїи и преданности. Разлучить супруговъ можетъ одна только смерть, это необходимо допустить потому, что въ противномъ случаѣ бракъ низойдетъ на степень такъ называемаго, гражданскаго брака. Впрочемъ, въ духѣ союзъ супруговъ продолжается и по смерти. На этомъ основаніи ап. Павелъ заповѣдуетъ единобрачіе, по крайней мѣрѣ, служителямъ олтара³⁴⁴⁾. Да и самимъ мірянамъ церковь не всегда дозволяла двоеженство, а если и дозволяла, то не охотно. Кромѣ того: за нерасторжимость брака говорить еще и то α., что бракъ есть образъ вѣчнаго союза Христа съ церковью и β. что расторженіе брака пагубно для человѣка и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи. На многоженство въ в. завѣтѣ и разводъ, позволенный закономъ Моисея, должно смотрѣть лишь какъ на временное, такъ сказать, послабленіе человѣку со стороны Бога, обуславливаемое временемъ и—главное—характеромъ ветхоз. человѣчества, или лучше какъ на мудрую законодательную мѣру.

341) Вол. Еп. В. 1871 г. Май № 9. Стр. 262—263

342) Быт. 2, 24. Мат. 19, 4—6. Мар. 10, 6—9.

343) Мат. 19, 6.

(*) Неужели «и загробный»?

344) Тим. 3, 2—12.

«Моисей по жестокосердію ³⁴⁵⁾ вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими,» отвѣчалъ Господь на вопросъ фарисеевъ: «какъ же Моисей заповѣдалъ дать разводное письмо и разойтись съ женою» ³⁴⁶⁾. «Если бы, говоритъ Златоустъ, законъ принуждалъ держать жену и ненавистную, то ненавидѣвшій легко могъ бы убить ее: таковъ былъ народъ іудейскій. Ибо тѣ, которыя не щадили своихъ дѣтей, умерщвляли пророковъ, и кровь проливали какъ воду, тѣмъ менѣе пощадили бы женъ» ³⁴⁷⁾. Основаніе развода въ в. завѣтѣ заключалось так. обр. въ жестокосердіи, которое поколебало основаніе даже идеальнаго брака, какъ совершеннаго союза по духу, душѣ и тѣлу, такъ что самый священный бракъ въ грѣховномъ человѣчествѣ былъ лишь приближеніемъ къ этому идеалу. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда союзъ двухъ лицъ не представлялъ никакихъ гарантій за свою прочность, влекъ за собою цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій, необходимо было допустить расторженіе брака какъ «меньшее зло, чтобы пресѣчь большее» ³⁴⁸⁾, тѣмъ болѣе, что одна внѣшняя связь внутренно расторгнутыхъ не имѣетъ сама по себѣ никакого значенія. Законъ поэтому не противорѣчитъ самому себѣ, если въ в. завѣтѣ допустилъ разводъ, а въ новомъ абсолютно запретилъ его ³⁴⁹⁾, потому что запрещеніе это относится собственно къ истинному, идеальному супружеству, переходя въ тоже время въ дозволеніе расторженія такихъ браковъ, которые не представляютъ характера истиннаго единства между мужемъ и женою, дѣйствительнаго союза между ними, основаннаго на любви, преданности и довѣриіи другъ къ другу, словомъ—въ основѣ которыхъ лежитъ измѣна и лицемеріе.

По окончаніи разговора съ фарисеями, Господь продолжаетъ рѣчь наединѣ съ учениками, по удаленіи отъ фарисеевъ ³⁵⁰⁾. Онъ повторяетъ имъ то основное положеніе ³⁵¹⁾, что кто онятъ жениться по разводѣ, тотъ нарушаетъ супружескую вѣрность, и кто склоняетъ разведенную ко вторичному браку, заставляетъ ее на-

345) Въ в. завѣтѣ Езек. 3, 7. находится прилаг. *σκληροκαρδιος* *вм.* *kasche lev.* *Σκληρος, σκληροτης,* на языкѣ в. завѣта означаетъ состояніе дисгармоніи.

346) Мат. 19, 7—8.

347) Злат. Тамже. Стр. 353.

348) Злат. Тамже. Стр. 353.

349) Кромѣ вины любодѣянія.

350) Мар. 10, 10.

351) Мат. 5, 32. 19, 9. Мар. 10, 11—12. Лук. 16, 18.

душать супружескую вѣрность ³⁵³) и, наконецъ, представлять худыя слѣдствія развода, состояща въ томъ, что отпускающій какъ самую отпускаемую ставитъ въ опасность вступить въ законное или незаконное сожитіе съ другимъ мужемъ, такъ и этого послѣдняго въ немепышную опасность войти въ прелюбодѣйную связь съ отпущенною. И тогда какъ вѣхоз. законъ о супружествѣ допущеніемъ многоженства и развода благопріятствовалъ мужинѣ въ отношеніи къ женщинѣ, Господь, напротивъ, защищая права послѣдней, вездѣ касается преимущественно мужчины. О преступленіи послѣдняго Онъ говоритъ *три раза*: α. Когда онъ съ похотствованіемъ смотритъ на женщину; β. когда онъ отпускаетъ жену безъ законнаго на то основанія и так. обр. дѣлаетъ ее прелюбодѣйцею. Отпускающій жену мужъ есть моральный виновникъ прелюбодѣлія своей жены, слѣд. виновникъ ея. γ. Когда онъ женится на отпущенной, разрывая такъ обр. супружескій союзъ ³⁵⁴). Впрочемъ, о преступленіи отпускающаго жену мужа, если онъ женится на другой, или о случаѣ развода, когда *мужъ* нарушаетъ супружескую вѣрность, Господь не говоритъ, потому что съ одной стороны это понятно само собой ³⁵⁵); съ другой — потому, что законъ, который не знаетъ отпущенія мужа женою, не далъ на это никакаго предписанія ³⁵⁶).

Итакъ, Господь запрещаетъ всякій разводъ и потому Онъ смотритъ на новыя связи между разведенными какъ на прелюбодѣвіе ³⁵⁷). Единственнымъ основаніемъ развода Онъ признаетъ любодѣвіе ³⁵⁸). Выраженіе Господа: кромѣ вины любодѣвія ³⁵⁹) у Марка ³⁵⁹) и Луки ³⁶⁰) не встрѣчается, но оно находится въ другомъ мѣстѣ Матѳея ³⁶¹). Выраженіе это, равное моисеевскому *sheguat dabar*, служить въ настоящее время предметомъ столь же разнорѣчивыхъ истолкованій, какъ и упомянутое выраженіе Моисея. Мы видѣли, что выраженіе *sheguat dabar* нѣкоторые раввины по-

352) По Марку, жена представляется отпускающею мужа. Это отступление отъ другихъ евангелистовъ не измѣняетъ существеннаго.
353) См. Ланге. Стр. 74. Тамже.
354) Ольсгауз. Тамже. Стр. 311.
355) Мейеръ. Тамже. Стр. 163. См. вын.
356) Моисея.
357) Порвета.
358) Παρεκτός λόγου πορνείας, Мат. 5, 32.
359) Мар. 10, 11.
360) Лук. 16, 18.
361) Мат. 19, 9. Εἰ μή ἐπί πορνεία не за прелюбодѣвіе.

нимали именно въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ему самъ законодатель т. е. что только *shegat dabar* можетъ быть основаніемъ развода. Таковъ былъ раввинъ Шаммай съ его школою. Другіе, напротивъ, желая придать выраженію *shegat dabar* болѣе широкое значеніе, отнесли къ существу брака и то, что мужъ могъ развестись съ своею женою даже въ томъ крайнемъ случаѣ, если онъ хотѣлъ жениться на другой болѣе красивой женщинѣ. Эта послѣднее явленіе жъ въ сферѣ супружества было горькимъ плодомъ своеобразнаго взгляда на выраженіе *shegat dabar* раввиновъ Гилдела и Акибы. Подобнымъ образомъ и новое выраженіе Господа: кромѣ вины любодѣнія³⁶²), служащее единственнымъ основаніемъ развода, раздѣляетъ ученыхъ новѣйшаго времени на два противуположныхъ лагеря. Такъ Мейеръ, принимая одно опредѣленіе фактическое основаніе развода, указанное Господомъ, исключаетъ всякое другое. Де Ветте, Блекъ и др., напротивъ, принимая одно, принимаютъ и другія³⁶³). Оставаясь вѣрными основному положенію Господа³⁶⁴), Ланге говоритъ, что должно различать между законодательствомъ евократіи и государства, которое находится на границѣ между Моисеемъ и Христомъ, и между закономъ жизни христіанна, который основывается на словѣ Христа. Моисей дозволилъ разводъ не для того, чтобы ослабить супружество, но чтобы скрѣпить его. Абсолютное запрещеніе развода было бы абсолютнымъ санкціонированіемъ вполне общаго преданнаго существа супружества; *отверженіемъ идеальнаго, внутренняго принципа супружества*. Этому Моисей не могъ сдѣлать. По этому онъ поставилъ рычагъ въ законодательствѣ о супружествѣ, который долженъ былъ возводить его отъ его условнаго состоянія къ идеальному заявленіемъ побудительной причины къ разводу. Указывать темъ опредѣленный мотивъ яснѣе и яснѣе онъ предоставилъ евократической жизни духа въ ея развитіи. Христосъ на высшей точкѣ евократическаго совершенства указываетъ *παρεκτός λόγος πορνείας*. Это указаніе государственное законодательство не можетъ антиципировать, не возводя супружества къ идеѣ супружества; но оно должно имѣть ее въ виду какъ цѣль. Но Христосъ говоритъ не о признаніи фактическаго развода, но о положительномъ разводѣ. Разводиться никакъ не дозволено, исключая факта блудодѣнія³⁶⁵).

(Продолженіе слѣдуетъ).

362) *Παρεκτός λόγος πορνείας*.

363) Мейеръ. Тамже. Стр. 163. См. выш.

364) Мат. 5, 32.

365) Ланге. Тамже. Стр. 74.

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе).

Отъ этого совершенно общаго опроверженія Оригенъ переходитъ къ частному разбору мнимо-аналогичныхъ мѣстъ того и другаго ученія, съ тѣмъ впрочемъ чтобы обратиться снова къ общему опроверженію. Ученіе о Логосѣ прежде и больше всего подвергалось нападенію. Всѣ, которые старались смѣшать христіанство съ платонизмомъ, ссылались на это ученіе, и аналогією въ языкѣ думали подтвердить аналогію мысли. Оригенъ показываетъ что Логосъ христіанскій совершенно не то, что Логосъ языческій. Это не безличная и неопредѣленная идея. Онъ есть Спаситель и Сынъ Божій. Никто не можетъ вполнѣ знать этого перворожденнаго всей твари, кромѣ Отца, который Его родилъ, — и никто не можетъ знать Самаго Отца, кромѣ Логоса, который есть жизнь, мудрость и истина. Такимъ образомъ Оригенъ парализируетъ сходство философіи и христіанства ихъ истиннымъ значеніемъ. По слѣдамъ остроумныхъ диалектиковъ, которые только предчувствовали объ отдѣльныхъ истинахъ, мы недостигаемъ до входа въ божественное святилище. Одинъ тотъ отверзаетъ двери его, Кто самъ священникъ его. Это — самъ Сынъ Божій, несотворенный Логосъ, Который разгоняетъ мракъ, которымъ Всевышній покрывается, какъ своею одеждою (VI, 753). Ученіе о жизни загробной, за которое тоже упрекаютъ какъ за заимствованіе, уже потому одному, говоритъ Оригенъ, не можетъ быть заимствованіемъ, что оно гораздо ранѣ Платона извѣстно было и яснѣ раскрыто въ св. Писаніи. Стоя на исторической почвѣ Оригенъ съ достаточнымъ вѣроятіемъ заключаетъ, что самъ Платонъ ученіе о загробной жизни въ томъ видѣ, въ какомъ оно содержится въ Федонѣ заимствовалъ у Исаи (Ис. 54, II, 12, III, 779). Не отвергая даже и того, что ученіе о вѣчныхъ наказаніяхъ преподается въ мистеріяхъ языческихъ, Оригенъ въ тоже время замѣчаетъ, что ученіе Иудеевъ и христіанъ о томъ же предметѣ настолько яснѣ и несомнѣннѣ, на сколько богодухновенные писатели Иудеевъ и христіанъ достовѣрнѣе и авторитетнѣе тайноводителей языческихъ (VIII, 802). Въ нравственномъ ученіи язычниковъ, которое такъ превозноситъ противникъ, и которое признаетъ источникомъ, изъ котораго будто-бы христіанство черпало свою мораль, — Оригенъ находитъ много хорошаго. Но это отъ того, впрочемъ, зависитъ, что Богъ насадилъ въ сердца людей познаніе добра и зла, дабы они были безотвѣтны предъ судомъ Божиимъ (I, 636—637). Что же касается мнимаго заимствованія нравственнаго ученія изъ языческой морали, то предположеніе это вовсе не выдерживаетъ критики. Христіанскія

добродѣтели совершенно не то, что слабые намеки язычников на добродѣтель. Ученіе о смиреніи, за которое Пеллель упрекаетъ, какъ за заимствованіе, далеко прежде этого философа было восхваляемо въ св. Писаніи (ис. 130, 1—3). Къ тому же—добродѣтель смиренія, по которой челоуѣкъ добровольно покаряется подь сильную руку Бога, есть нѣчто болѣе высшее, чѣмъ смиреніе Платона. Оно соединено съ возведеніемъ къ великому и высокому и себя добровольно покаряетъ. Его—смиренія—образецъ и учитель есть Христось, который къ намъ—людямъ—снизощелъ; себя умалилъ, зракъ раба пріимъ (Фил. 2, 7.). Ни отъ одного изъ философовъ нельзя научиться такому самоотверженному смиренію (VI, 752). Анализируя подобнымъ образомъ христіанское ученіе и о другихъ добродѣтеляхъ и указывая ихъ оригинальный и глубокой смыслъ, Оригенъ, и неотвергая хорошаго въ языческой морали, всегда выходитъ побѣдителемъ. Язычество тѣмъ особенно было слабо въ ученой борьбѣ съ христіанствомъ, что оно не могло сказать древности и божественности происхожденія ни одного изъ своихъ мудрецовъ. Напротивъ, что въ этомъ отношеніи особенно сообщало христіанскому ученію право на непрерывную истину и давало ему преимущество предъ религіознымъ и философскимъ ученіемъ языческимъ,—преимущество, недопускающее и парализирующее всякій упрекъ въ заимствованіи—это была древность и Божественное происхожденіе Еврейскихъ св. книгъ, а также и исполненіе на Христѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Оригенъ искусно пользовался выгоднымъ своимъ положеніемъ, и часто опроверженіе противника сводилъ на одну лишь историческую почву. Для большаго и окончательнаго уже доказательства различія христіанскаго ученія отъ языческаго, Оригенъ обыкновенно стновится на нравственную почву того и другаго ученія. Возвѣщенный Платономъ истины о высочайшемъ благѣ, говоритъ онъ, ни слушателей, ни самаго Платона не привели къ дѣйствительному благочестію, тогда какъ св. Писаніе въ своей простотѣ воспламеняетъ ревностію тѣхъ, которые съ искренностію читаютъ его; онъ есть питающій святой елеи въ ихъ сердцахъ, свѣтъ, который пѣть мудрыхъ дѣвъ одной притчи сохраняютъ въ своихъ свѣтильникахъ (VI, 750). Довольный тѣмъ, что умѣлъ доказать оригинальность и самостоятельность христіанства въ его ученіи, Оригенъ по сдержанности своей, не ищетъ, подобно противнику, заклевать презрѣніемъ и осмѣять укѣризнами такъ много темныхъ стоопъ въ язычествѣ,—напротивъ онъ призналъ даже, что христіанство находило точки сопряженія не только въ философскихъ школахъ, но даже въ запятанныхъ кровью и оскверненныхъ храмахъ язычества. Неблжне мнѣя и безчисленныя басни, запятаныя характеромъ чудесности—всѣ, по Оригену, имѣло

свой смысл и выражало общее у языческих народов съ избран-
нымъ—страстное стремленіе, или тоску сердца, которое порывалось
и томилось, жаждало по обѣтованномъ Мессіи и воздыхало по
совершенномъ соединеніи съ Логосомъ. Такъ сильно и пламенно
ожидаемый народомъ—чаяніе языковъ наконецъ явился. Ученіе
объ этомъ событіи должно быть теперь рѣшительно доказано. Мы
уже видѣли нападеніе противъ ученія о воплощеніи и искупленіи.
—Всѣ возраженія Цельса, выходя изъ пантеистическихъ и дуали-
стическихъ воззрѣній, въ существѣ дѣла проводятъ страшный и
удушающій матеріализмъ. Отрицаніе свободы, при которомъ не-
могутъ имѣть никакого смысла догматы христіанскіе о твореніи
свободныхъ существъ,—о паденіи и искупленіи и другія, воз-
можность физическаго зла въ природѣ и всеизмѣяемости самой
природы—вотъ исходные пункты, съ которыхъ идутъ и напра-
вляются всѣ возраженія Цельса. Если христіанскому апологету
удастся побѣдить врага его же собственнымъ оружіемъ наего же
собственной почвѣ, тогда всё дѣло выиграно. Христіанскіе догматы
предстанутъ во всей своей глубинѣ и возвышенности. Свобода—это
источное начало и источникъ всѣхъ міровыхъ явленій будетъ
свѣточемъ къ разъясненію того, обо что такъ часто спотыкается
невѣрующій и пытливый разумъ. —

Указаніемъ на противорѣчія противника себя самому, и на
очевидную несообразность его ученія съ фактами жизни и на-
окончательно нелѣпыя слѣдствія его положеній, Оригенъ подрываетъ
всѣ положенія Цельса и окончательно обезоруживаетъ своего
противника. «Самъ Цельсъ, говоритъ Оригенъ, принимаетъ про-
видѣніе (IV, 730); но когда онъ говоритъ, что зло необходимо
и неизбежно,—не оскорбляетъ ли онъ эгимъ провидѣніе, простираю-
его вліяніе на уравновѣшаніе зла въ мірѣ, какъ будто оно иногда
поставляетъ нарочныя препятствія къ его уменьшенію (IV, 720)».
Еще: Цельсъ признаетъ человѣческую природу не способною къ
исправленію и улучшенію; но развѣ не предъ нимъ примѣры
какъ въ философскихъ школахъ отъ нравственнаго наученія, по-
крайней мѣрѣ, нѣкоторые измѣнили на лучшее свою нравствен-
ность? Многіе знаменитые мужи Греціи, продолжаетъ Оригенъ,
восхваляются между язычниками, какъ образцы, возбуждающіи
къ строгой и усиленной дѣятельности,—нравственной крѣпости и
стойкости. Таковы: Улиссъ, Геркулесъ, Сократъ и др. (IV, 720).
Не живой ли это протестъ противъ исключаютшихъ всякое нрав-
ственное начало положеній Цельса? Это подтверждается фактами
и исторією самихъ же философскихъ сектъ. Измѣняемость природо-
человѣческой къ лучшему должна заставить Цельса признать добро
и зло въ ихъ нравственномъ значеніи. «Теперь есть много такихъ»

пороковъ, которые не существовали пражде. Гдѣ же, спрашиваетъ Оригенъ, неизмѣняемость количества зла? Такимъ образомъ знаменитое матеріалистическое положеніе Цельса: «одно всегда на рожденіе зла, потому что одна и таже всегда природа», разбивается о дѣйствительные совершенно противоположное говорящіе факты жизни. Особенно сильно подрываетъ Оригенъ положенія Цельса однимъ нелѣпнымъ выводомъ, который не избѣжно вытекаетъ изъ положеній Цельса и заставляетъ допустить нравственное начало—свободу. Если въ мірѣ, говоритъ Оригенъ, все происходитъ не обходимо случайно, если всё въ немъ останется въ одномъ и томъ же видѣ, если жизнь природѣ въ томъ и состоитъ, что она повторяетъ себя безъ всякихъ измѣненій, то логически вѣрнымъ выводомъ изъ этого должно признать, что постоянно въ мірѣ должно падать одинаковое количество дождя,—извѣстное число солнечныхъ теплыхъ дней періодически должны слѣдовать за равнымъ числомъ мрачныхъ и холодныхъ дней. И это должно доходить до того, что должны повторяться въ исторіи одни и тѣже лица, характеры, обстоятельства, преступленія и жестокости. Нужно вѣчно повтореніе Сократа, его казни; Цельсъ опять долженъ писать свою книгу (IV, 720). Указавъ такимъ образомъ на несостоятельность и даже совершенную нелѣпность положеній Цельсовыхъ въ ихъ слѣдствіяхъ, Оригенъ чрезъ это самое отстаиваетъ нравственное начало—свободу и существованіе въ мірѣ нравственныхъ цѣлей. Теперь уже несоставляло большаго труда для Оригена одинъ за другихъ отстаивать христіанскіе догматы, которые съ точки зрѣнія Цельса казались глупостями и нелѣпостями. Уже онъ и прежде въ защищеніи христіанскаго монотеизма противъ языческаго политеизма опредѣленно и ясно развилъ ученіе о Единомъ, свободномъ Богѣ и Творцѣ міра и замкнутымъ рядомъ доказательствъ оттолкнулъ столь дорогую для языческаго міровоззрѣнія гипотезу о подчиненныхъ божествахъ, демонахъ, которые наполняли пропасть между абсолютнымъ Богомъ, необъятною идеею и низшимъ миромъ, и которые были проводники жизни небесной. Свидѣтельства Св. Писанія, устройство и гармонія природы человѣческой— всё подъ перомъ Оригена протестовало противъ пантеистическаго Бога. Теперь онъ ясно также утверждаетъ: «Богъ есть единственный творецъ, который всё создалъ поодному намѣренію и для одной цѣли, и Его промыслъ свободно управляетъ дѣломъ Египтяръ» (IV, 718). Такимъ образомъ въ мірѣ нельзя уже видѣть пантеистической необходимости и одной всегда себѣ самой равной судьбы; напротивъ въ немъ замѣчается постоянное дѣйствіе высочайшей и всемогущей воли, которая управляетъ вызваннымъ изъ ничтожества міромъ съ полною свободой и независимостію отъ законовъ, которые даны ему (IV, 718). Свободному Богу

угодно было, чтобы сотворенныя по образу Его существа были свободны какъ Онъ. Предвѣденіе Божіе, которое Цельсъ считаетъ роковою и неизбѣжною причиною событій, не есть опредѣляющая причина нравственности и не дѣйствуетъ поупудительнымъ образомъ на свободу человѣка. Всѣ возраженія по этому, которыя основываются на безпредѣльномъ знаніи Божіемъ, не имѣютъ ни какого значенія (II, 664). Если однажды признана свобода, уже нетрудно объяснить и утвердить грѣхопаденіе. При свободѣ яснымъ становится происхожденіе зла въ мірѣ. Только она—свобода—удовлетворительно объясняетъ страшное событіе, съ которымъ мы встрѣчаемся на самомъ порогѣ исторіи. Зло не происходитъ отъ Бога; точно также оно не соединено и съ матеріею. Зло есть нечто иное, какъ злоба или нечестіе, и оно происходитъ отъ уклоненія воли. «Правда, говоритъ Оригенъ Цельсу, что зло не отъ Бога, но невѣрно, что зло въ матеріи. Ближайшій источникъ и начало зла—это наша естественная воля; она—причина нечестія, которое одно мы и можемъ назвать зломъ» (IV, 721). Демоны, какъ демоны въ настоящемъ ихъ состояніи, не суть твореніе Божіе; они сотворены Богомъ разумными и добрыми существами, и ихъ только воля прииссывается настоящая извращенность (VI, 760). «Если искать глубокой и первоначальной причины зла, говоритъ Оригенъ, то нужно знать то, что относится до Ангеловъ и ихъ паденія. Когда возражаютъ, что физическія бѣдствія, которыя тоже составляютъ своего рода зло, происходятъ иногда отъ Бога, то Оригенъ соглашается съ этимъ; но только признаетъ ихъ наказаніями или средствомъ возвратитъ людей къ добру, отъ котораго они удалились (IV, 720). На возраженіе: за чѣмъ Богъ не сотворилъ человѣка такимъ, чтобы онъ постоянно былъ привязанъ къ добру, Оригенъ отвѣчаетъ, что съ отнятіемъ свободы исчезаетъ первое условіе добра и что добродѣтель всегда основывается на свободномъ выборѣ и рѣшеніи (IV, 702). Если только свобода изясняетъ намъ твореніе и происхожденіе зла въ мірѣ и сообщаетъ глубокой и возвышенный смыслъ христіанскому ученію объ этихъ предметахъ, то оно же также посвящаетъ въ безпредѣльную тайну искупленія.

Поверхностная матеріалистическая философія Цельса ищетъ поставить человѣка ниже животнаго, представить смѣшнымъ, унижить, осмѣять особенное попеченіе о немъ, какъ не дѣло, съ тѣмъ конечно, чтобы самое ученіе и дѣло искупленія представить безосновательнымъ и нелѣпымъ. Христіанскій анологетъ превозноситъ величіе человѣческой природы, которая, не смотря на свое паденіе, сохраняетъ не разрывное родство съ Богомъ. Врожденная въ немъ идея добра и неискоренимыя зачатки добродѣтели проти-

ворѣчать этому оскорбительному сравненію. Разумъ, который происходитъ отъ Божественнаго логоса, сохраняетъ неразрывную связь свою съ Богомъ. Мнимо-сильное возраженіе противъ чело-вѣческой природы: чело-вѣкъ не такъ легко достаетъ средства для своего поддержанія, какъ животныя, Оригенъ ставитъ ему въ истинное его превосходство. Въ этомъ-то, говоритъ Оригенъ, и видно превосходство чело-вѣка предъ животнымъ, что созданный нуждающимся—онъ способенъ возвыситься до полного обладанія природой, способенъ подчинять силы природы и животныхъ. Самыя нужды, среди которыхъ поставленъ чело-вѣкъ, если раз-сматривать ихъ, какъ средство для упражненія его разумныхъ силъ, дѣлаются мудрымъ орудіемъ въ рукахъ провидѣнія... Черезъ нихъ возвышаются нравственныя и разумныя силы чело-вѣка, которыя въ высшемъ своемъ развитіи дѣлаютъ чело-вѣка полнымъ царемъ и владыкою земли, такъ что надъ нимъ исполняются слова создавшаго ему всё: И да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и скотами и всею землею и всѣми гадами пресмыкающими по землѣ (Быт. I, 26). Короче—между живот-нымъ и чело-вѣкомъ столь великая имѣется разница, какъ между прирожденнымъ инстинктомъ и разумомъ—образомъ Божиимъ въ насъ (IV, 723—725). Промыслъ Божій естественно поэтому больше печется о чело-вѣкѣ, чѣмъ о животномъ,—и міръ не столько созданъ для одаренныхъ инстинктомъ, сколько для разумныхъ. Въ то время какъ Богъ не гнѣвается на обезьянъ, или на мухъ, Онъ наказываетъ людей, которые Его законъ нарушаютъ (IV, 736). Это наказаніе указываетъ на Его вниманіе къ чело-вѣческой твари и любовь къ ней, и даетъ намъ понять изъ этого, что Онъ потрясетъ небомъ и землею, чтобы спасти ее. Воплощеніе Спа-сителя съ Его униженіемъ съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, и ученіе христіанское о немъ—возвышеннымъ и разумнымъ. Слово пришло на землю не для того, чтобы увеличить славу свою, но чтобы насъ возстановить (IV, 701). Что значить это униженіе, какъ не жертва спасающей любви Божіей? Когда имѣютъ правильное представленіе о томъ, каково состоя-ніе души въ будущей жизни, представленіе выведенное изъ ея природы и ея начала, тогда не находятъ смѣшнымъ того что безсмертный принялъ смертное тѣло; тогда не воображаютъ, что Онъ хотѣлъ, какъ Платонъ думалъ, переходить изъ одного тѣла, въ другое; нѣтъ, онъ имѣлъ возвышеннѣйшую и самую побуди-тельную причину. Поматно, что изъ любви своей къ чело-вѣку Онъ возмотился. Онъ хотѣлъ собрать разбѣянные овцы изъ дома Израилева, овцы, которыя сошли съ горы и для которыхъ Боже-ственный Пастырь оставилъ, по евангельской притчѣ, тѣхъ, кото-рые оставались въ овчарнѣ (IV, 707). Воплощеніе впрочемъ не-

можетъ быть понимаемо въ грубомъ, недостойномъ Бога, смыслѣ. Слово пребывало въ мирѣ и прежде, чѣмъ оно приняло тѣло, потому что, по апостолу Павлу, » о немъ бо живемъ и движимся и есмь (Дѣян. 17, 28). Цельсъ, который представляетъ, что престолъ небесный остался пустымъ, когда Сынъ Божій снисзошелъ на землю, — слишкомъ матеріально понимаетъ Бога и забываетъ Его вездѣприсутствіе (IV, 702). Въ этомъ схожденіи Бога на землю нисколько не нарушается естественный ходъ вещей, — не происходитъ никакого измѣненія въ существѣ Бога. Богъ пребывая неизмѣннымъ въ своемъ существѣ (IV, 702—704), и не оставляя своего престола, по своей Божественной власти, сходилъ къ людямъ, какъ промыслитель и домостроитель. Если Христосъ, вообразивъ Божіемъ Сынъ (Фил. 2, 6), сошелъ къ людямъ, и изъ любви къ роду человѣческому не пощадилъ себя, такъ что сдѣлался объемлемымъ для людей, то чрезъ это въ немъ произошло никакого измѣненія; Онъ не сдѣлался изъ благого злымъ, потому что Онъ беззаконія не сотворилъ (Ис. 54, 9). Святое и пречистое существо Его не сдѣлалось нечестивымъ, потому что Онъ грѣха не позналъ (2 кор. 5, 21). Равнымъ образомъ онъ оставался блаженъ и тогда, когда былъ въ униженномъ состояніи, потому что Онъ унижалъ себя для блаженства человѣческаго. Не произошло также въ Немъ измѣненія изъ существа высочайшаго въ недостойное, потому что любить людей и благодѣтельствовать имъ развѣ дѣло недостойное Бога? Если же Цельсъ называетъ въ безсмертномъ Богѣ измѣненіемъ принятіе имъ смертнаго тѣла и человѣческой души, то пусть знаетъ, что Слово пребыло Словомъ безъ измѣненія въ своемъ существѣ и не потеряло ничего такого, что терпѣть тѣло или душа (IV, 704). Потому принятіе Христомъ смертнаго тѣла — этого низкаго покрова не было въ немъ переходомъ изъ состоянія безсмертнаго существа въ существо смертное. Иисусъ, котораго мы давно признали Богомъ и Сыномъ Божіимъ, былъ и всегда есть самъ Логосъ, сама истина, сама премудрость. Цельсу кажется страннымъ, почему Богъ, восхотѣвшій сойти на землю, долженъ былъ выбрать именно человѣческое тѣло, которое Онъ находитъ болѣе подверженнымъ поврежденію чѣмъ природу камней, металловъ. Но не сказалъ бы этого Цельсъ, еслибы онъ былъ вѣренъ діалектикѣ, потому что говоря точно, нельзя разі чать степени поврежденія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Притча

О ГОРЧИЧНОМЪ ЗЕРНѢ И ЗАВВАСКѢ.

Иисусъ Христосъ предложилъ на роду слѣдующую притчу: царство небесное подобно зерну горчичному, которое человекъ взялъ, и посѣялъ на поляхъ своемъ, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но, когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что привлекаютъ птицы небесныя, и укрываются въ ветвяхъ его. — Мате. XIII, 31, 32.

Подвизаясь на поприщѣ евангельской проповѣди, І. Христосъ часто представлялъ царствіе небесное въ аллегорическихъ выраженіяхъ, которыя, судя по обстоятельствамъ, составлявшимъ предметъ Его рѣчей, имѣютъ различное значеніе. Иногда онѣ означаютъ церковь торжествующую, царствующую съ Богомъ на небѣ; и, хотя это самое натуральное понятіе о царствіи небесномъ, но не его нужно разумѣть въ этомъ случаѣ. Иногда въ нихъ подразумѣвается церковь воинствующая, составляющая царство Божіе на землѣ, которая напрягаетъ всѣ усилія соединиться съ своимъ небеснымъ отечествомъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Бож. Спаситель представляетъ подъ этими образами внутреннее благодатное царство Божіе въ вѣрной душѣ. Отцы церкви принимали объ притчи этого евангелія въ двухъ послѣднихъ смыслахъ; но къ чему бы онѣ ни были приспособлены, мы думаемъ, что первая изъ нихъ преимущественно примѣняется къ царству Божію въ Его земной церкви, а вторая — къ его благодатному царству въ христіанской душѣ.

Самое малое изъ сѣмянъ, превращающееся въ короткое время въ большое дерево естественно служить эмблемой слабаго начала и быстрыхъ усилій христіанства. Повелѣніе, данное І. Христомъ своимъ Апостоламъ о преобразованіи всѣхъ народовъ, уже само по себѣ очень смѣлое, должно было еще болѣе поразить Его слушателей, когда этотъ бѣдный человекъ, не имѣвшій гдѣ преклонить главу, съ полною увѣренностію предсказывалъ о томъ, что, въ непродолжительное время, вся вселенная подчинится его закону и горсть учениковъ Его будетъ замѣнена всѣми народами земли. Но каково должно быть наше удивленіе, когда мы не только собственными очами видимъ исполненіе этого безпримѣрнаго событія, бывшаго только пророчествомъ для современниковъ І. Христа, но

даже участвуемъ въ немъ и пользуемся его плодами! Очевидно, что одинъ только Творческій умъ могъ измыслить такой обширный провѣтъ; Его предвѣденіе—предсказать о немъ; Его всемогущество—исполнить его. Какія же чрезвычайныя средства употребляетъ Богочеловѣкъ для совершенія такого изумительнаго переворота на лицѣ земли? Здѣсь мы поражаемся новымъ удивленіемъ при видѣ дѣйствій Божественнаго разума, который, для убѣжденія народовъ въ истинной вѣрѣ, предпринимаетъ именно то, что ограниченный человѣческій разумъ почелъ бы противорѣчащимъ предположенной цѣли. Для привлеченія къ себѣ учениковъ, І. Христось общалъ имъ труды, мученія, смерть; для подчиненія міра своей религіи Онъ подъялъ самую позорную смерть на крестѣ. Провидѣніе совершило это великое чудо для того, чтобъ самое учрежденіе Его религіи, свидѣтельствуя во всѣ времена о своей божественности, служило бы укрѣпленіемъ нашей вѣры. Ему угодно, что всѣ народы, призванные въ продолженіе многихъ вѣковъ, созерцать величественное зданіе христіанской религіи, не находя въ немъ никакихъ слѣдовъ участія человѣческаго, по необходимости признали въ немъ божественную руку, дѣйствительно воздвигшую его. Начнемъ и мы созерцать великое чудо—распространенія христіанства: рассмотримъ средства, которыми побѣждены всѣ препятствія, затруднявшія осуществленіе этого обширнаго предпріятія и, въ самомъ ничтожествѣ этихъ средствъ, признаемъ печать Божественнаго Промысла.

Прежде всего обратимъ вниманіе на характеръ того времени, въ которое появилась христіанская вѣра. Безспорно можно сказать, что, начиная отъ сотворенія міра, вѣкъ этотъ былъ самый просвѣщенный. І. Христу предшествовали величайшіе гении, какими только можетъ гордиться человѣчество; самыя блестящія умы, до сихъ поръ возбуждающіе наше удивленіе и почитаемые за образцы, съ которыми мы не въ состояніи сравниться, наполнили весь міръ своими произведеніями. Никогда науки не были возведены на болѣе высокую степень совершенства; никогда вкусы не были изящнѣе, таланты—разнообразнѣе, познанія—обширнѣе, требованія—разборчивѣе, вопросы—глубже и основательнѣе. Философія, достигшая апогея своей славы, держала въ рукахъ царственный скипетръ, которымъ управляла умами людей; и, раздѣленная на различныя секты, казалась владычицею многихъ царствъ. Званіе философа пользовалось популярностію и вошло какъ бы во всемірную моду; не только частныя лица, хорошо образованныя и религіозно приверженныя къ своей философской сектѣ поставляли свое самолюбіе въ томъ, чтобъ употреблять всѣ свои таланты, познанія, умъ, краснорѣчіе для пріобрѣтенія философской мантии, но даже сами императоры домогались этой чести.

Но вотъ, этотъ суетный философскій энтузіазмъ исчезаетъ съ лица земли и новая философія (какъ многіе св. отцы называютъ религію І. Христа) готовится преобразовать человѣчскій разумъ, открыть его истинную пользу, указать ему предѣлы, подчинить его вѣрѣ, очистить его своею моралью. Какія же средства могутъ итти въ уровень съ такимъ громаднымъ и труднымъ предпріятіемъ? Гдѣ найдетъ І. Христосъ людей, способныхъ на выполненіе такой великой задачи? Онъ собираетъ на берегу моря двѣнадцать рыбаей съ самымъ ограниченнымъ умомъ, не только неимѣющихъ понятія о первоначальныхъ элемѣнтахъ наукъ и никакой идеи объ искусствахъ, но даже совершенно безграмотныхъ, и съ этими-то орудіями готовитъ преобразование цѣлаго міра. Посмотрите въ свою очередь на этихъ бѣднѣшковъ: какъ смѣло бросаются они въ среду міра, не только въ малолюдныя селенія и мѣстечки, гдѣ могли встрѣтить людей, подобныхъ себѣ по воспитанію; но—въ города самые знаменитые, почитаемые центромъ талантовъ и просвѣщенія. Посмотрите, съ какимъ дерзновеніемъ выступаютъ они въ Римѣ, Афинахъ, Коринѣ, Ефесѣ, Антиохіи противъ самыхъ плодовитыхъ и могущественныхъ геніевъ. Какой же результатъ ожидается отъ этого новаго рода борьбы простоты—съ самой утонченной логикой?

Новое чудо! Философія, защищаемая полками ученыхъ, поддерживаемая всѣми средствами, те какія только способны измыслить человѣчскій разумъ, остается побѣжденною и евангеліе, проповѣданное 12-ю бѣдными необразованными рыбаками воцаряется вмѣсто ея. Если бы мы—очевидцы этого чудеснаго успѣха вздумали искать причину его во всѣхъ принципахъ человѣческихъ дѣйствій, то, привсѣхъ поискахъ наши усилія остались бы тщетны и мы по необходимости должны бы были остановиться на той причинѣ, которую опредѣлили сами Апостолы: *Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначащее, чтобы упразднить значущее* I. Кор. I, 27, 28.

Во вторыхъ, какъ высоко простиралось развитіе человѣческаго разума, такъ низко стояла его религія. Истинный Богъ, сотворившій вселенную былъ совершенно невѣдомъ древнему міру. За исключеніемъ малаго народа, который, прижавшись въ небольшомъ уголкѣ земли, жилъ почти въ неизвѣстности, всѣ остальные націи имѣли, если не совершенно изглаженный, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обезображенный образъ Божества. Язычество всѣхъ странъ и временъ составило изъ различныхъ вымысловъ множество идоло-служеній, которыя, не имѣя причинъ къ раздѣленію и соединяясь напротивъ всеобщимъ интересомъ, образовали религію всего извѣстнаго тогда міра. Цѣлое скопище предразсудковъ всякаго

рода крѣпко привязывало народы къ ихъ суевѣрнымъ божествамъ.

Предразсудокъ воспитания. Невѣрующіе нашего времени, не всегда удачно изглаживающіе слѣды того глубокаго впечатлѣнія, которое религія оставляетъ въ ихъ умѣ и съ самаго нѣжнаго возраста, то могутъ, по крайней мѣрѣ, изъ этого заключить, съ какою силою эти самыя впечатлѣнія должны были въ то время воспротивиться новой религіи. Кромѣ всемірной мифологіи, принятой всѣми народами вообще, каждая нація, каждый городъ, каждое семейство имѣли своихъ частныхъ боговъ, отъ которыхъ ожидая особеннаго покровительства, благоговѣли предъ ними и любили ихъ какъ самую драгоценную часть жизни и наслѣдства отцевъ.

Предразсудокъ воображенія. Басни язычества, украшенныя всѣми прелестями поэзіи, и которой, болѣею частью, обязаны своимъ происхожденіемъ, представляли ему самыя привлекательныя образы. Поля, мѣся, рѣки, вся природа, одушевленная этой блестящей фантазіей, была наполнена божествомъ; въ самыхъ свѣтилахъ небесныхъ язычникъ обожалъ своихъ боговъ и знаменитыхъ людей. Обоготвореніе этихъ первостепенныхъ героев; торжественная церемоніальность праздниковъ и пышность жертвъ, которыми ихъ почитали; великолѣпіе игръ и зрѣлищъ, на которыя съ разныхъ сторонъ, стекались цѣлыя націи для празднованія ихъ памяти, — всѣ особенности этой религіи имѣли въ виду — возбуждать вниманіе, забавлять разумъ, оживлять воображеніе. И эти блестящія грезы, эти обольстительныя призраки слѣдкомъ убавкивали челоуѣчество, крѣпко уснувшее подъ сѣнію своихъ заблужденій, пробужденіе отъ которыхъ могло быть только неприятно и тягостно.

Предразсудокъ древности. Народы, обвороженные старинными вымыслами не допускали ничего изъ древнѣе этихъ басенъ, основателями которыхъ почитали потомковъ боговъ и, находя свое идолослуженіе въ древнихъ законахъ, они думали, что уже ничто ему не предшествовало. Ихъ религія, горячо любимая ими, еще болѣе пріобрѣтала къ себѣ уваженія тѣмъ, что, пользуясь авторитетомъ столько рѣковъ, служила въ глазахъ язычниковъ какъ бы ручательствомъ за ея истинность.

Наконецъ, *предразсудокъ политическій.* Почти весь извѣстный тогда міръ былъ соединенъ въ одно государство, власть надъ которымъ сосредоточивалась въ рукахъ одного монарха. И эта тѣсная связь между государемъ и поборенными народами болѣе всего упрочивалась религіей. Политика сената образовала этотъ союзъ, — политика Кесарей скрѣпила его. Имперія и язычество, соединенныя подъ однимъ скипетромъ взаимно поощряли другъ друга къ подчиненію власти и уваженію религіи. Величественныя храмы, украшавшіе главные города, привлекали громадное стече-

не народа; цѣлыя полки жрецовъ, увеличивая свою численною пышностью языческихъ церемоній, возбуждали народный интерес къ поддержкѣ своего благосостоянія. Весталки, отличенныя высокими привилегіями, непрерывно поддерживали священный огонь, служившій эмблемой святой любви къ отечеству. Всѣ публичныя предпріятія начинались религиозными обрядами: приносили богатыя жертвы, вопрошали оракуловъ, разсуждали о ихъ предвѣщаніяхъ. Казалось, значеніе Рима крѣпко было связано съ славою боговъ, покровительству которыхъ онъ приписывалъ свое величіе.

Но вотъ, среди всемірнаго благоговѣнія къ этой религіи, утвержденной на такомъ прочномъ основаніи, вдругъ раздается проповѣдь о новой религіи, совершенно противоположной всѣмъ прочимъ, послѣдовательно присоединеннымъ къ древнѣйшей. Эта религія, обличая заблужденіе народовъ, доказываетъ имъ, что они вѣрили въ басни, благоговѣли предъ бездушными кумирами, обожали демоновъ. Она требуетъ отъ нихъ уничтоженія всѣхъ принциповъ, которые они всосали вмѣстѣ съ молокомъ; отреченія отъ догматовъ, по незапамятному наслѣдству перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ; забвенія всѣхъ плѣнительныхъ вымысловъ. Съ перемѣною религіи должны были лопнуть политическія пружины, на которыхъ крѣпко утверждалось правительство языческихъ государей и вмѣстѣ съ ними исчезала опора, почерпавшая свою силу изъ авторитета пышныхъ идольскихъ церемоній. Однимъ словомъ, необходимо было сокрушить все, пользовавшееся до сихъ поръ любовью и благоговѣніемъ народовъ. Но чѣмъ же замѣнить Апостолы все, уничтоженное ими? Вмѣсто суетныхъ боговъ, умножавшихся по произволу человѣческому и украшенныхъ его воображеніемъ, они требуютъ поклоненія челоѣку, рожденному между самымъ презрѣннымъ народомъ, жизнь котораго, проведенная въ униженіи и смиреніи была окончена, по приговору Римскаго прокуратора, смертію самою позорною, на которую Римъ осуждалъ только рабовъ и которую Римскій гражданинъ не долженъ былъ запятнать себя. Вмѣсто восхитительныхъ вымысловъ и плѣнительныхъ грезъ, очаровавшихъ умъ язычника, они предлагаютъ тайну, которой, повѣдывая только вѣровать, запрещаютъ испытывать по невозможности проникнуть въ нее. Какая же сила заключалась въ этихъ строгихъ догматахъ, въ поклоненіи совершенно духовномъ, что понудила челоѣчество принести имъ въ жертву все, впродолженіе столькихъ вѣковъ составлявшее предметъ его глубокаго благоговѣнія и самой нѣжной привязанности. Я ищу язычества и не нахожу его! Оно почти исчезло съ лица земли, уступивъ свое всемірное владычество христіанству. Я вижу

идоловъ, лежащихъ въ прахъ и Господа нашего І. Христа на всѣхъ алтаряхъ! Въ третьихъ, чѣмъ ниже стояла религія человѣчества, тѣмъ испорченнѣе была его нравственность. Цѣлое скопище заблуденій и пороковъ, взаимно охраняя другъ друга, обольщало разумъ и пагубно влиядо на сердце. Человѣкъ, боготворя страсти, предавался имъ съ полною безпечностію; привыкнувъ же боготворить то, въ чемъ упражнялся самъ, онъ не краснѣя упражнялся въ томъ, что обожалъ. Такимъ образомъ, разъ воцарившись на небѣ, пороки уже не встрѣчали сопротивленія на землѣ. (*) Особенно Римъ, сѣлавшись всемірною столицею открыто подавалъ міру примѣръ всевозможныхъ соблазновъ и, вооруженною рукою, покоряя разноплеменные народы, онъ, въ свою очередь, присвоивалъ себѣ ихъ сокровища, боговъ и пороки. Чтобы не оскорблять цѣломудрія сатирами, обнаруживающими развратъ того времени, мы скажемъ только, что, судя по тому, какъ иногда люди самые добродѣтельные бываютъ безсильны въ подавленіи своихъ страстей, можно заключить о степени той развращенности, которая развилась при полной свободѣ, данной страстямъ. Богатые грабили и угнетали бѣдныхъ; роскошь, подробности которой кажутся невѣроятными даже въ наше время, гордо оскорбляла общественную нищету; честолюбіе, возведенное на степень добродѣтели и почитавшееся какъ бы величіемъ души, посабъ долгихъ республиканскихъ смуть сокрушившее въ концѣ республику, безрерывно угрожало трону, воздвигнутому имъ. Мищеніе, прикрываясь политикою, наполняло мѣста ссылокъ и наводило самую драгоценную кровію города и цѣляя государства. Вообразите себѣ ничѣмъ необузданное своеволие страстей, удовлетворяемыхъ самымъ неистовымъ образомъ и выти будете имѣть понятіе о нравственности этихъ Римлянъ, отличавшихся нѣкогда воздержаніемъ и высокими добродѣтелями. Подобно Пророку Іонъ нѣкогда явившемуся Цивевіи во Имя Бога живаго, приблизидсь къ Риму св. Апостолы Петръ и Павелъ во Имя Іисуса Христа. Какая же побудительная причина привлекаетъ ихъ? Какая надежда одушевляетъ ихъ? Они приближаются съ тѣмъ, чтобы сокрушить всѣ человѣческія страсти и пафнть всякій разумъ въ послушаніе евангелію Христову. Пренебрегая бурю и ураганы, готовые рзразиться противъ нихъ, они стремятся замѣнить наслажденія плоти—строгимъ самоотверженіемъ; честолюбивые замыслы — христіанскимъ смиреніемъ;

(*) Выраженіе красиво; но мысль въ немъ крайне обоудна и даже безобразна! Полагать надо, что мнѣологическія бредни возвѣщали язычнику о цареніи пороковъ на небѣ, какъ неотъемлемыхъ свойствахъ его божества...

неумолимое мщеніе—милосердіемъ; алчность земныхъ сокровищъ—благодвореніемъ; огонь сладострастія—слезами покаянія. Цѣль этихъ всемірныхъ преобразователей состоитъ въ томъ, чтобъ истребить всѣ языческія идеи и обычаи, исторгнуть у людей все, составлявшее ихъ благополучіе и возродить ихъ къ новой жизни, почтившейся ими до сихъ поръ за самую жалкую и ничтожную.

Въ четвертыхъ, ко всѣмъ препятствіямъ, готовымъ остановить на первомъ же шагу христіанскую пропаганду, присоединялось самое неодолимое для всѣхъ человѣческихъ усилій. Униженіе философской гордости, побѣжденіе всякаго рода предрасудковъ, укрощеніе страстей, прежде всего касалось земныхъ властителей, превосходившихъ тщеславіемъ, упорствомъ, пороками и страстями своихъ подданныхъ. И вотъ, со стороны Нероновъ, Домиціановъ и др. мучителей, вооруженныхъ страшною жестокостію и могуществомъ воздвигается гоненіе на едва зараждающуюся Церковь. Между имперіею и церковію три вѣка продолжается необыкновеннаго свойства борьба, никогда невиданная предшествовавшими вѣками и возбуждающая удивленіе всѣхъ слѣдующихъ за ними поколѣній.

Обратите вниманіе на ужасныя послѣдствія, которыя влекло за собою исповѣданіе христіанства. Признать себя христіаниномъ значило, не смотря на самыя высокія добродѣтели, подвергнуться безчестію и мукамъ самыхъ презрѣнныхъ преступниковъ. Вѣра христіанъ обвинялась въ безбожии; ихъ собранія—въ жесточайшемъ варварствѣ; ихъ богослуженіе—въ самомъ постыдномъ развратѣ. Въ глазахъ ослѣпленнаго народа всѣ христіане, какъ враги отечества почитались злодѣями, какъ враги кесарей—возмутителями, какъ враги боговъ—нечестивцами, какъ враги нравственности—безчестными. Не было пытки довольно жестокой за всѣ эти преступленія. Лишеніе имущества, ссылка, заключеніе въ тюрьму, даже смерть почитались самыми слабыми наказаніями. Палачамъ запрещалось умерщвлять ихъ до тѣхъ поръ, пока они совершенно не изнемогали отъ страданій. Самыя жесточайшія мученія, какія только можетъ изобрѣсти человѣческая ярость подъ руководствомъ адскаго неистовства, нерѣдко совмѣщались надъ личностію только одного христіанина. Чтобъ придать пыткамъ болѣе горечи и чувствительности, прибѣгали къ разнообразію ихъ; чтобъ доставить себѣ удовольствіе ихъ проолжительностію, съ намѣреніемъ отстрочивали ихъ. Не было ни уважительной причины, охранявшей христіанъ, ни скрытнаго мѣста для ихъ безопасности; возрастъ самый нѣжный, сложеніе самое слабое дѣлались добычею утонченнаго варварства; ненависть гонителей, проникая въ самыя тайныя убѣжища христіанъ, исторгала эти невинныя жертвы изъ

глубоких ущелий и вертеповъ, скрывавших ихъ. Цѣлыхъ три вѣка носился этотъ разрушительный мечъ надъ главами христіанъ; если же и прекращала свои гибельные удары, то, кажется, съ тѣмъ, чтобъ возобновлять ихъ съ большою силою и жестокостію.

(Окончаніе будетъ въ слѣд. №).

Служеніе нѣсколькихъ священниковъ безъ діакона. *)

Уже теперь въ обширной Православной Россіи, да и въ нашей епархіи, не мало храмовъ, при которыхъ не одинъ священникъ и нѣтъ діакона. Да и въ тѣхъ приходяхъ гдѣ теперь при нѣсколькихъ священникахъ есть діаконовъ, развѣ не можетъ случиться болѣзнь діакона, и такимъ образомъ священники останутся безъ діакона. Со введеніемъ же новыхъ штатовъ это послѣднее положеніе сдѣлается почти вездѣ нормальнымъ и число приходоу перваго рода сильно увеличится. — Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ приходяхъ и теперь, при отсутствіи діакона, могутъ быть и бывають дни въ году, когда независимо отъ чреды, каждый священникъ желаетъ совершить литургію или участвовать въ ея совершеніи. Таковы великіе Господни и Богородичны праздники, дни страстной и свѣдой седмицъ и многіе другіе дни въ году, также дни знаменательные почему либо лично для того или другаго іерея. Какъ тутъ быть при неимѣніи діакона? спрашиваютъ недолумбвая многіе изъ священниковъ. — Привычка служить всегда съ діакономъ для многихъ изъ нихъ дѣлаетъ труднымъ вообще служеніе безъ діакона (говоримъ собственно о литургіи), но возможность этого они еще понимаютъ и по нуждѣ безъ діакона служатъ. *А какъ литургиясь безъ діакона многимъ священникамъ? Да и можно ли это?*

*) Перепечатаваемъ эту замѣтку изъ Витебскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, какъ попытку разрѣшить недолумбніе, которое возникло въ служебной практикѣ духовенства при совершающемся уменьшеніи состава церковныхъ причтовъ. Замѣтка не представляетъ достаточно твердыхъ основаній для рѣшенія поставленныхъ въ ней вопросовъ. Нужно ожидать, что введеніе новаго штата приходскаго духовенства, по которому не полагается діаконовъ при приходскихъ церквахъ, вызоветъ рѣшительное разъясненіе этого недолумбія. Ред.

Что эти вопросы не порождение нашего праздного и бесполезного любопытства, доказательствомъ служить откликъ на нихъ въ нашей духовной литературѣ. Въ очень недавніе годы «Руководство для сельскихъ пастырей» помѣстило на своихъ страницахъ замѣтку, *) написанную именно съ цѣлю дать отвѣтъ на поставленные вопросы. Авторъ замѣтки, не смотря на имѣвшіеся подъ руками его матеріалы, далъ отвѣтъ уклончивый и совѣтовалъ для разрѣшенія недоумѣній обращаться съ просьбами къ епархіальнымъ преосвященнымъ, даже къ Св. Синоду. Конечно, во всѣхъ случаяхъ недоумѣнія, когда нѣтъ указаній въ теоріи и практикѣ (вмѣстѣ) церковной, этотъ путь самый правильный и законный. Но тамъ, гдѣ есть положительныя указанія теоріи и практики, прибѣгать къ этому способу рѣшенія, не будетъ ли излишнимъ бременемъ для церковной власти? А что для рѣшенія сказанныхъ вопросовъ, одного изъ нихъ особенно, имѣются прямыя указанія теоріи и практики, видно будетъ изъ послѣдующаго. — Для удобства читающихъ и правильной постановки дѣла поставимъ опредѣленные вопросы въ такомъ порядкѣ:

I. Можно ли служить нѣсколькимъ священникамъ безъ діакона?

II. Если можно, какъ служить?

I.

Можно ли служить нѣсколькимъ священникамъ безъ діакона?

Какое значеніе имѣютъ священникъ и діаконъ въ отношеніи къ совершенію Св. таинствъ, въ частности въ отношеніи къ совершенію Божественной Евхаристіи въ литургіи? — Священникъ есть совершитель Св. таинствъ, а діаконъ — служитель при совершеніи. На послѣдняго возлагается приготовленіе необходимыхъ предметовъ для совершенія таинства, показаніе своими возгласеніями времени того или другаго дѣйствія священника, указаніе върующимъ въ опредѣленное время предметовъ моленія. Только совершеніе одного таинства — крещенія, притомъ по нуждѣ и въ отсутствіи священника, дозволяется діакону. Но совершеніе этого таинства, при тѣхъ же условіяхъ, въ отсутствіи и діакона, дозволяется клирику; а въ отсутствіи клирика мирянину, и *повивальной бабѣ*. Всѣ же прочія таинства должны быть совершаемы и совершаются лицомъ

*) Замѣтка эта помѣщена была въ Балуужскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (1871 г. № 13, част. неофиц. стр. 307—310) (Примѣч. редак. Балуужск. Епарх. Вѣдом.).

особенно освященнымъ, отличеннымъ духовными преимуществами въ средѣ вѣрующихъ. И такимъ лицомъ есть и признается у насъ въ православной Церкви пресвитеръ, или попросту—священникъ, который не можетъ преподавать только таинствъ посвященства, исключительно усвоеннаго епископамъ.

Посмотрите на самое совершеніе таинствъ по чину нашей Православной церкви. Вездѣ, кромѣ литургіи, служеніе діакона ограничивается только возгласами: «Господу помолимся» и произнесеніемъ эктений. Само собою понятно, что при отсутствіи діакона и священникъ, ни мало не умаляя своего достоинства, можетъ произносить тѣже *діаконства*, какъ и бываетъ почти постоянно на пратикѣ даже въ присутствіи діаконствъ, вообще рѣдко и облачающихся при совершеніи таинствъ. Что же касается до *діаконствъ* при литургіи, то нѣкоторыя изъ нихъ легко могутъ быть приносимы и совершаемы священникомъ,—какъ и дѣлается это на практикѣ—остальныя же, по указанію нашего служебника, или совершенно оставляются (какъ въ проскомидіи), или сокращаются (какъ вторая эктенія вѣрныхъ).—Такимъ образомъ и въ совершеніи таинства Евхаристіи, во время одного изъ сложнѣйшихъ Богослуженій, присутствіе діакона оказывается не необходимымъ.—Безъ священника же (не говоримъ здѣсь о Епископѣ) литургія немислима.—Служеніе литургіи однимъ священникомъ безъ діакона нѣрѣдко можно было видѣть въ прежнее время, а въ послѣдніе годы оно совершается и очень часто.

Только въ послѣднемъ случаѣ практика разнообразится. Разнообразіе это особенно замѣтно въ такъ называемыхъ *входахъ*—*великомъ* и *маломъ*.

На *маломъ входѣ*, по служебнику, прежде благословенія входа священникомъ, показано цѣлованіе священникомъ подносимаго ему діакономъ евангелія. Нѣкоторые священники совершаютъ себѣ цѣлованіе, служа и безъ діакона. Странно при этомъ иногда бываетъ видѣть священника, особенно въ великіе праздники, одною рукою оборачивающаго къ себѣ евангеліе лицевою стороною онаго для цѣлованія, иногда Евангеліе въ дѣствѣ окованное не легковѣсными металлическими дсками,—тогда какъ другою онъ едва—едва сдерживаетъ оное. Такое цѣлованіе положено въ служебникѣ только при діаконѣ, да и то не всегда. Служебникъ говоритъ: «По семь отходитъ ко святителю или игумену діаконъ, и цѣлуетъ (т. е. святитель или игумень) Евангеліе, аще предстоитъ: аще же ни, цѣлуетъ се священникъ». Икакъ при предстоаніи святителя, даже игумена, служащій и творящій входъ священникъ не цѣлуетъ еван-

теля, какъ никогда не цѣлуютъ онаго и сослужащіе священники. Цѣлованіе Евангелія на входѣ, по неудобству, можетъ быть оставлено, когда служитъ одинъ священникъ безъ діакона, тѣмъ паче, что священникъ имѣетъ возможность цѣловать св. Евангеліе, тотчасъ по маломъ входѣ, вмѣстѣ съ цѣлованіемъ св. трапезы.

Служащій безъ діакона священникъ на *великомъ входѣ* обыкновенно возлагаетъ на свое лѣвое рамо *воздухъ*, какъ и діакону при ономъ, въ правую руку беретъ потиръ съ приготовленнымъ соединеніемъ, какъ всегда въ литургіяхъ св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго; въ лѣвую же *дискось*—съ приготовленнымъ Агнецемъ и вынутыми въ честь и память святыхъ и въ молитвенное воспоминаніе живыхъ и умершихъ частицами. А нѣкоторые дискось поставляютъ на свою главу и въ этомъ случаѣ ссылаются на чинъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ, гдѣ въ «Изъясненіи о нѣкихъ исправленіяхъ въ служеніи преждеосвященныхъ даровъ» сказано: «И возьмъ священникъ воздухъ, полагаетъ на рамо діакону: святой же дискось съ Божественными тайнами приемлетъ десницю, и поставяетъ на главу свою: потиръ же съ виномъ возьмъ въ шуацу свою при персахъ несетъ»—Но въ литургіи преждеосвященныхъ даровъ, поставя оныя на главу свою, онъ чувствуетъ самого Христа, шествующаго уже въ освященныхъ дарахъ; въ то же время потиръ съ благословеннымъ соединеніемъ несетъ при персахъ. Въ литургіи же Василія Великаго и Іоанна Златоустаго на какомъ основаніи приготовленному и неосвященному *соединенію*, тоію благословенному предпослать онъ приготовленный и неосвященный еще, тоію благословенный его словами и дѣйствіемъ, *Агнецъ*? Какъ то, такъ и другое одинаково подлежитъ освященію.

Теперь еще одинъ посредствующій вопросъ: могутъ ли служить литургію многіе іереи?—Думаемъ, могутъ. Это нисколько не противорѣчитъ духу Христіанскаго Богослуженія и подтверждается постоянною практикою Православной Церкви отъ временъ Апостольскихъ доселѣ. Въ дѣяніяхъ Апостольскихъ мы встрѣчамъ немало примѣровъ совокупной молитвы и однихъ соборныхъ Апостоловъ и Апостоловъ вмѣстѣ съ призванными пресвитерами. Апостоль Іаковъ прямо заповѣдуетъ для елеосвященія призывать пресвитеровъ (многихъ) Церкви, чтобы они по молитвѣ помазали больного елеемъ. Въ силу его заповѣди и на основаніи древняго отъ Апостоловъ дошедшаго, преданія чинъ, елеосвященія въ нашей Православной Церкви составленъ для семи іереевъ, хотя по нуздѣ это таинство можетъ быть совершаемо и однимъ священникомъ. Вселенскіе соборы нарочито занимаются отношеніемъ діаконовъ къ пресвитерамъ (и многимъ) во время священнослуженія (Церк.

пр. 18; Шест. пр. 7) И доселѣ у насъ, въ Православной Церкви, въ особенно торжественныхъ случаяхъ священники служатъ *соборно* и такое священнослуженіе обязательно какъ въ великіе церковные праздники, такъ и въ высокаторжественные дни царскіе.*) — Но служеніе это доселѣ совершалось при діакопѣ. — Возможно ли оно безъ діакона? Если въ діакопѣ не состоитъ особенной надобности при служеніи одного священника; то надобность эта не можетъ усиливаться или увеличиваться при служеніи священниковъ многихъ: число священниковъ не измѣняетъ ни сущности, ни формы литургіи. Если, потому, многіе священники, какъ и одинъ, могутъ совершать одну литургію при діакопѣ: то могутъ они совершать оную и безъ діакона. — Таковъ логическій отвѣтъ разсмотрѣнныхъ фактовъ и данныхъ положеній на занимающій насъ вопросъ. Такой именно отвѣтъ данъ Константинопольскимъ Соборомъ 1301 г. именно по вопросамъ іерарховъ Русской церкви.

Покореніе Руси монголами вызвало частыя путешествія въ приволжскую столицу монголовъ — Сарай русскихъ князей, бояръ, купцовъ и разныхъ русскихъ промышленниковъ. Приливъ этихъ людей былъ такъ многочисленъ и постояненъ, число жившихъ въ Сарай и окрестныхъ улусахъ русскихъ полоняниковъ такъ велико, наконецъ примѣры обращенія монголовъ въ православное христіанство на столько значительны, что все это заставило уже перваго въ это тяжкое время митрополита всероссійскаго Кирилла II учредить въ Сарай особую епархію (1261 г.) — Подвижность большей части паствы и даже пастырей новой епархіи (такъ какъ каждый князь прѣзжалъ и уѣзжалъ не только съ многочисленною свитою бояръ, отроковъ и низшей прислуги, но и съ своимъ духовникомъ — священникомъ или іеромонахомъ, нерѣдко игуменомъ, со своею походною церковію) естественно порождала такіе случаи въ практикѣ церковной, какіе никогда и нигдѣ прежде не встрѣчались въ Русской церкви. Это заставило въ 1301 г. тогдашняго всероссійскаго митрополита Максима вмѣстѣ съ Сарайскимъ епископомъ Θεогностомъ отправиться въ Константинополь для предложенія на разрѣшеніе возникшихъ недоумѣній церковной практики. — По крайней мѣрѣ другихъ причинъ ихъ путешествія (нелегкаго въ то вре-

*) По табели Высекоторжественныхъ дней Царскихъ соборѣ отправлять Богослуженіе въ сіи дни въ тѣхъ церквахъ приходскихъ, гдѣ при нѣсколькихъ священникахъ не имѣется діакона, не вѣнчается въ обязанность: «А при коей церкви», замѣчается въ концѣ оной табели, «при двухъ или трехъ священникахъ діакона не имѣется, при таковыхъ литургии отправлять единому чередному священнику». Примѣч. редакц. Валужск. Епарх. Вѣдом.

мя) мы не знаем. Знаем только, что въ Константинополѣ собравшемся въ храмъ Св. Софіи собору «благочестивый епископъ сарайскій Феогностъ..... положилъ посредь въ просы нѣкыя и отвѣтъ въ сѣкому подобенъ въ просу прія.» Вопросы эти очевидно касаются нуждъ Сарайской епархіи; соборные же отвѣты на нихъ, по свидѣтельству извѣстнаго нашего церковнаго историка, преосв. Макарія (Ист. Рус. Церк. т. С. стр. 24), встрѣчаются потомъ и въ русскихъ Кормчихъ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковныхъ правилъ: слѣдовательно, отвѣты эти были дѣйствующимъ канономъ русской Церкви. — Для насъ въ настоящемъ случаѣ имѣютъ значеніе вопросы еп. Феогноста 6-й и 7-й отвѣты на нихъ Константинопольскаго собора.

Епископъ Феогностъ спрашивалъ: «Аще приключится святителю служити литургія, а не будетъ діакона, а поповъ будетъ много, зѣ ли ему служити?»

Соборъ отвѣчалъ: «Аще будетъ нужна, а не будетъ діакона да поетъ с. поны.» Въ другомъ спискѣ есть важное дополненіе, на которое мы укажемъ впоследствии.

Епископъ Феогностъ снова спросилъ «Аще будутъ попове мнози въ мѣстѣ, а не будетъ діакона посредь ихъ, достоятъ ли имъ служити или ни?»

Соборъ отвѣчалъ: «Достоятъ имъ служити, единъ попь отъ нихъ октению молвить, въ алтари стоа, а вонъ не выхода.»

Такимъ образомъ Константинопольскимъ соборомъ 1301 г. не только утвердительно рѣшенъ вопросъ: могутъ ли многіе священники служить безъ діакона; но отчасти рѣшенъ и другой: какъ служить въ такомъ случаѣ.

Правда м. Кипріанъ писалъ впоследствии къ новгородскому духовенству: «вы спрашиваете меня: когда не случится діакона а нужно многимъ попамъ цѣть вмѣстѣ, можно ли какому либо младшему изъ нихъ діаконать. Не прилично тому быть: ибо нѣтъ въ поповствѣ ни младности, ни старости. А если бы было то, что попу діаконать, ипо будетъ ни попь, ни діаконъ. И потому нельзя тому такъ быть: попь есть попь а діаконъ — діаконъ. Если не случится діакона: пусть служить одинъ попь... (Акг. Ист. 1, 20; Ист. Рус. Церк. Преосв. Макар. т. IV, стр. 294). — но это наставленіе святителя очевидно вызвано латинскимъ взглядомъ на дѣло, проиякшимъ въ Новгородъ по со-

еѣдству и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ иноземцами. Замѣчательно, что около этого времени особенно сильно начинается сказываться въ духовной жизни новгородцевъ и обитателей ихъ пригорода-псковичей латинское вліяніе.— По латинскому взгляду, при соборномъ служеніи нѣсколькихъ священниковъ, безъ діакона, младшій изъ нихъ вполнѣ исправляетъ должность діакона, облачаясь въ діаконское только одѣяніе, оставляя на время совсѣмъ іерейскій санъ и понижаясь въ іерархической степени. Для новгородцевъ, водившихся этимъ взглядомъ и не понимавшихъ другого положенія дѣла, м. Кирианъ и запретилъ соборное служеніе священниковъ безъ діакона.— Запрещеніе, очевидно вызванное временными и мѣстными обстоятельствами.— Притомъ, можно ли сравнивать обязательность соборнаго постановленія съ частнымъ мнѣніемъ одного?

Что на распоряженіе м. Кириана смотрѣли и въ то время какъ на мѣстное и временное, это доказывается отсутствіемъ его правила въ Кормчихъ и «правильныхъ сборникахъ» съ одной стороны, съ другой—внесеніемъ вопросовъ епископа Феофоста и отвѣтовъ на нихъ Константинопольскаго собора 1301 года какъ въ Кормчія послѣдующихъ вѣковъ, такъ въ «правильные сборники» какъ его и непосредственно за нимъ слѣдовавшаго, такъ и позднѣйшаго времени. Изъ сборниковъ особенно важны для насъ сборники, писанные и бывшіе въ употребленіи у преп. Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца, продолжавшаго свои подвиги еще двадцать одинъ годъ по кончинѣ м. Кириана († 1407). Не надобно забывать, что преп. Кирилль († 1427) по своему времени былъ человекъ образованный и высоко—авторитетный какъ для своего, такъ и для послѣдующихъ временъ. Въ библіотекѣ его монастыря доселѣ хранятся два сборника, очевидно бывшіе въ употребленіи самого чудотворца; въ нихъ внесены сполна вопросы еп. Феофоста и отвѣты на нихъ Константинопольскаго собора 1301 г. Это 1) «Сборникъ отъ правилъ св. Апостолъ и Св. Отець» и 2) «Отъ Никонскихъ правилъ.» Кромѣ того въ библіотекѣ тогоже монастыря хранится третій сборникъ, въ 12 л. л., по изображеніямъ письма на позже XVI в., въ каковомъ сборникѣ вопросы и отвѣты на нихъ содержатся тоже сполна, даже съ нѣкоторыми добавленіями, по языку въ большинствѣ современными первоначальнымъ спискамъ.— По этимъ-то тремъ спискамъ изданными правилами Константинопольскаго собора 1301 г. мы и пользуемся (Чт. въ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1860 г. Ц. стр. 32—40). Кромѣ того, нашъ знаменитый историкъ Русской Церкви преосвя. Макарій указываетъ на Кормчую Софійской Библіотеки XVI в.,

которую онъ пользовался (Ист. рус. Церк. т., IV, стр. 262 и 281).

Преп. Кирилль, какъ мы замѣтили выше, подвизался еще 21 годъ по кончинѣ м. Кипріяна (м. Кипріянь управлялъ Русскою Церковію съ 1378 по 1406 г., а преп. Кирилль подвизался въ бѣлоозерскихъ предѣлахъ съ 1397 по 1427 годъ); слѣдовательно внесеніе правилъ Константинопольскаго собора въ сборники, бывшіе въ употребленіи преп. Кирилла въ его послѣднемъ обитаніи земномъ, внесеніе оныхъ въ сборникъ его монастыря писанъ XVI в., внесеніе оныхъ въ Кормчюю XVI в. ясно (доказываютъ, что эти правила считались руководственными, обязательными для Русской Церкви долго спустя послѣ м. Кипріяна; что слѣдовательно распоряженіе м. Кипріяна считалось только временнымъ и мѣстнымъ. Отмѣны означенныхъ правилъ мы не видимъ ни на какомъ соборѣ, ни въ чьихъ распоряженіяхъ послѣ, слѣдовательно они юридически остаются обязательными для Русской Церкви и въ настоящее время.

И практика настоящаго времени доказываетъ, что нѣсколько священниковъ могутъ служить безъ діакона. Едва не въ самой срединѣ Петербурга, не далеко отъ Невскаго Проспекта, на Лиговкѣ, стоитъ очень красивая Греческая Церковь, гдѣ въ послѣдніе годы Богослуженіе постоянно совершается, конечно не безъ вѣдома Св. Синода, однимъ греческимъ архимандритомъ въ сослуженіи русскаго священника, безъ діакона.

(Вятск. Епарх. Вѣд.)

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Можетъ ли православный священникъ напутствовать Св. Тайнами иноувѣрцевъ если они не примутъ православія? Что касается до иноувѣрцевъ, какъ то римскихъ католиковъ, протестантовъ и т. п., которые бы захотѣли въ случаѣ смертной опасности, принять св. тайны отъ православнаго священника, то сей послѣдній можетъ дѣлать это не иначе, какъ только тогда, когда лицо иноувѣрное, пожелавшее причаститься отъ православнаго священника, приметъ по уставу православія; за тѣмъ оно должно исповѣдаться по обычаю, и послѣ сего причащаться, какъ слѣдуетъ (срав. чинъ возсоединенія иноувѣрцевъ, отъ синода издаваемый). Единственное, что можетъ и долженъ дѣлать священ-

никъ въ этомъ случаѣ, это то, что въ случаѣ самой крайней необходимости, въ виду неминуемой смерти пожелавшаго причаститься по православному, онъ можетъ исповѣдать и приобщить такового немедленно, не совершая надъ нимъ чина присоединенія къ православію. Но за тѣмъ, какъ въ томъ (указанномъ выше), такъ и въ семъ послѣднемъ случаѣ, удостоившійся причащенія св. таинъ по православному долженъ въ случаѣ выздоровленія остаться православнымъ навсегда, или же въ случаѣ его смерти, долженъ быть погребенъ православнымъ священникомъ, по чину какъ лице православное въ собственномъ смыслѣ этого слова (дополн. къ учит. извѣст.).

(Прибав. Черн. Епарх. епд.)

Какъ причащать тѣхъ, коимъ по какой либо причинѣ не могутъ принимать вина? Можетъ быть такъ, что причащающійся по болѣзни, или по другой какой либо причинѣ не можетъ вкушать вина, а потому и не въ состоянн причащаться вмѣстѣ съ тѣломъ и крови Господней. Таковыхъ священники должны причащать по преимуществу запасными дарами, приливая къ нимъ вмѣсто вина простую воду или же если и обыкновенными св. дарами. то не иначе, какъ напоивъ прежде частицу тѣла Христова небольшою каплею крови Господней, и за тѣмъ преподавая имъ св. дары въ лицѣ вмѣстѣ съ водою, чтобы настояціемъ причащаться обыкновеннымъ образомъ не подать кому либо повода, оставлять св. причастіе и т. обр. отлучать себя отъ его святаго и благодатнаго дѣйствія.

(Тамъ же).

Лѣкарство отъ чахотки.

(Сиропъ изъ телячьяго легкаго).

Извѣстіе объ излеченіи г-жи Звѣревой отъ чахотки вызвало цѣлый рядъ писемъ въ редакцію газеты, «Новости», въ которыхъ просятъ сообщить подробно способъ леченія. Сиропъ изъ телячьяго легкаго готовится, говоритъ газета, слѣдующимъ образомъ: взявъ телячье легкое, его вымачиваютъ въ теченіе 12 часовъ въ водѣ, послѣ чего воду сливаютъ, а легкое разрѣзавъ на мелкіе куски, кладутъ въ небольшой глиняный горшокъ, наполнивъ который водою прибавляютъ въ послѣднюю сахару въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ только можетъ растворятся. Горшокъ этотъ покрывается глиняною крышкою и ставится на огонь, на

которомъ оставляется до тѣхъ поръ, пока сиропъ не уварится на столько, что едѣается мягкимъ и тягучимъ, какъ сиропъ ягодныхъ вареньевъ. Давъ остыть этому сиропу, его сливаютъ въ широкогорлую банку (но не бутылку) и оставляютъ стоять въ свѣтломъ и сухомъ мѣстѣ на трое сутокъ, по истеченіи которыхъ и приступаютъ къ его употребленію—ежедневно, утромъ и вечеромъ, по одной или по двѣ столовыхъ ложки.

Во время употребленія сирона г-жею Звѣревою соблюдалась слѣдующая діета: она не употребляла ни чаю, ни кофе, а равно и никакихъ спиртныхъ напитковъ. Черный хлѣбъ, соленая и кислая пища были ей также воспрещены, и обѣдъ ея состоялъ по преимуществу изъ курянаго бульона или ухи и небольшого куска жареной говядины или курицы. Вообще она воздерживалась сверхъ того отъ мучной и тяжелой пищи. Послѣ каждаго приема ея совершалась полчасаовая прогулка на открытомъ воздухѣ, съ соблюденіемъ того условія, чтобы моціонъ этотъ не доводилъ до утомленія.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Воронежская Духовная Консисторія, препроводя объявленіе объ изданіи книги, подъ заглавіемъ «Доказательства истины Христіанской вѣры,» просить Редакцію Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатать оное въ своемъ изданіи, съ присовокупленіемъ, что издатель сей книги баронъ Эльснеръ въ минувшемъ Августѣ мѣсяцѣ обращался съ просьбою къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Веніамину о содѣйствіи къ распространенію ея и Его Преосвященствомъ дана резолюція—предложить духовенству епархіи о выпискѣ означенной книги.

Членъ Консисторіи, священникъ *Павелъ Орловъ*.
Секретарь *Ал. Касаткинъ*.
Столоначальникъ *Як. Богомоловъ*.

Съ разрѣшенія Московской Духовной Академіи.
Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 16 Ноября 1870 г. № 311.

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 16 Ноября 1870 г. слушали (ст. 17) мнѣніе протоіерея церкви С. Петербургскаго Университета Солярскаго о книгѣ,

подъ заглавіемъ: «Кейтъ. Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. Перевелъ съ 38 изданія баронъ Отто Эльснеръ. С.-Петербургъ, 1870 г.» Это мѣстѣе заключается въ слѣдующемъ:

Книга Кейта есть одна изъ самыхъ поучительныхъ книгъ, какъ по высокому своему предмету, такъ и по достоинству самаго изложенія его, и по ея духу и направленію.

Здѣсь съ одной стороны, большею частью кратко и сжато, представляются предсказанія пророковъ о будущихъ событіяхъ, которыхъ никакой умъ человѣческой предвидѣть и предсказать не могъ, съ другой—показывается чудное ихъ исполненіе, частію давно уже совершившееся, частію доселѣ предъ нашими очами совершающееся и частію несомнѣнно имѣющее совершиться въ брдущемъ. При изложеніи исполненія пророчествъ, вѣздъ приводятся такія данныя, которыя своею очевидностію поражаютъ читателя. Такъ, касательно судебъ различныхъ государствъ, народовъ, земель и городовъ, здѣсь приводятся и историческіе факты, и свидѣтельства путешественниковъ, и показанія современниковъ, и нарочитыя изысканія ученыхъ, и самыя не опровержимыя доказательства какъ бывшаго ихъ величія и возвышенія, такъ и настоящаго ихъ состоянія и запустѣнія, въ самой природѣ, въ остаткахъ разрушенныхъ памятниковъ, въ развалинахъ городовъ, въ климатѣ, грунтѣ и почвѣ земли и проч. и проч. и проч. Такая книга, очевидно, можетъ быть весьма полезною не только для бібліотекъ учебныхъ заведеній, но и для каждаго образованнаго читателя, для православнаго и неправославнаго, даже для вольнодумца, скептика и невѣрующаго.

Переводчикъ его увѣренъ въ томъ, что оно можетъ въ каждомъ христіанинѣ усилить то, что ему должно быть дороже всего на свѣтѣ, а именно: самую вѣру, и спасти даже отъ вѣчнаго осужденія атеистовъ, что и заставляло автора посвятить ему всю свою жизнь. Правда, что для совершенно яснаго и полнаго уразумѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ, требуются историческія и географическія свѣдѣнія; но такихъ мѣстъ немного, а сущность самаго разсказа о буквально исполнившихся, чудесныхъ предсказаніяхъ, которыми Господу Богу угодно было подтвердить истину Христіанской вѣры, или то, что Спаситель нашъ есть Его единородный Сынъ, удобопонятно всякому сколько нибудь образованному человѣку, а желающіе имѣть подробныя свѣдѣнія о народахъ, государствахъ и городахъ, къ которымъ относятся пророчества,

могутъ справиться о нихъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ. Это сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы его не только читали, но даже изучали.

Все выше изложенное про это, какъ по справедливости сказать можно, въ высочайшей степени драгоценное сочиненіе для всѣхъ христіанъ, можетъ подтвердиться и тѣмъ, что напечатано про него въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ноября 1871 г.) и что переводчикъ не считаетъ излишнимъ привести здѣсь. Определеіемъ Святейшаго Синода отъ 9 Марта 14 Апрѣля того года согласно съ заключеніемъ Учебнаго Комитета приномъ, постановленс: переведенное съ англійскаго на русскій языкъ барономъ Эльнеромъ сочиненіе доктора Богословія Кейта—рекомендовать въ качествѣ пособія преподавателямъ Священнаго Писанія и Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ и также преподавателямъ Закона Божія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки сихъ учебныхъ заведеній. «Сверхъ того Его Высочайшее Священство Архіепископъ Воронежской епархіи Серафимъ изволилъ въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго года предписать всѣмъ Благочиннымъ своей епархіи, чтобы они сдѣлали распоряженіе о приобрѣтеніи этой книги для благочинническихъ бібліотекъ и въ бібліотеки церквей городскихъ и сельскихъ лучшихъ приходовъ.» Объявленіе объ этомъ циркулярномъ предписаніи было напечатано въ № 20 Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

За присылкою книгъ можно будетъ обращаться прямо къ издателю сочиненія въ г. Воронежъ, по нижеслѣдующему адресу: въ Спасской улицѣ, въ домѣ Охотникова, или въ С.-Петербургѣ къ дочери его дѣйствительной статской совѣтницѣ Ольгѣ Оттоновнѣ Книримъ, а деньги за оныя высылать или тотчасъ, или по полученіи книгъ, о чемъ должно быть упомянуто въ самомъ требованіи. Цѣна сочиненію 2 рубля, а съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

За полученіемъ книгъ обращаться къ титулярному совѣтнику Яковъ Ивановичу Богомолу служащему въ канцеляріи Архіерея. Высылка денегъ принимается тамъ же.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ТРЕТЬЯ КНИГА

ТОЛКОВАГО ЕВАНГЕЛІЯ

ЕВАНГЕЛІЕ СТЬ ІОАННА,

на славянскомъ и русскомъ нарѣчій, съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями АРХИМАНДРИТА МИ-

ХАЙЛА. Москва. Тип. «Современ. Извѣстій», 1874 года, въ бол. 8 д. л. стран. II и 658. Цѣна 2 руб. 75 коп., съ пересылкой 3 рубля.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

2) ТОЛКОВОЕ ЕВАНГЕЛІЕ, книга первая: ЕВАНГЕЛІЕ отъ МАТѢЕЯ. Москва 1871 года въ больш., 8 д. л.; стр. X и 568. Цѣна 2 р. 75 к. с., съ перес. 3 р.

3) Тоже, книга вторая: ЕВАНГЕЛІЕ отъ МАРКА и отъ ЛУКИ. Москва 1871 г., VI и 615. Цѣна 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб.

4) О Евангеліяхъ и Евангельской Исторіи. По поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса» (Vie de Jésus, par M. E. Renan) опытъ обзора и разбора такъ называемой отрицательной критики Евангелій и Евангельской Исторіи—АРХИМАНДРИТА МИХАИЛА. Изд. 2, исправленное и дополненное. Москва 1871 г., стр. 362. Цѣна 1 руб. 75 к. с., съ перес. 2 р. с.

5) ВВЕДЕНІЕ ВЪ НОВОЗАВѢТНЫЯ КНИГИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ, соч. Г. Герике. Переводъ съ нѣмец., подъ редакціей АРХИМАНДРИТА МИХАИЛА. Въ двухъ частяхъ. Москва 1869 г., стр. 600. Цѣна за обѣ части 2 руб. 50 коп. сер. съ перес. же 3 р. с., за каждую же отдѣльно по 1 р. 50 к. съ перес.

Епархіальныя и гражданскія начальства, при выпискѣ для церковныхъ приходскихъ библиотекъ, для народныхъ школъ и училищныхъ библиотекъ, прямо отъ издателя, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, пользуются болѣе или менѣе значительной уступкой, по особому условію съ издателемъ.

Редакторы: } Прот. **В. Никонъ**.
 } Свящ. **І. Адамовъ**.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **П. Палицынъ**.
Сентября 14-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейна**.